

УДК 811.161.1

ПРОЯВЛЕНИЯ И ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЯ ВНУТРЕННИХ ФОРМ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТОВ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

А. И. КОВАЛЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На материале русской и белорусской глагольной и субстантивной семантически эквивалентной лексики рассматривается вопрос о проявлениях различия внутренних форм лексических эквивалентов двух языков. Определены конкретные модели проявления различия внутренних форм, наблюдаемые в границах проанализированного материала. Данное различие связывается с выбором характеристик, положенных в основу наименований одного и того же объекта в двух языках, семантической разнообъемностью семантических коррелятов, выбором различных типов мотивации при их образовании в русском и белорусском языках. Описаны различные типы внутренних форм. Указаны случаи несовпадения внутренних форм семантических коррелятов при идентичности типов внутренних форм у русского и белорусского семантических эквивалентов. С учетом моделей проявления различия внутренних форм уточнены возможные причины разницы во внутренних формах семантических коррелятов.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; метафора; метонимия; синекдоха; периферийная мотивированность; конденсированная мотивированность; семантический сдвиг.

ПРАЯВЫ І ПРЫЧЫНЫ АДРОЗНЕННЯ ЎНУТРАНЫХ ФОРМ СЕМАНТЫЧНЫХ КАРЭЛЯТАЎ РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОЎ

Г. І. КАВАЛЁВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На матэрыяле рускай і беларускай дзеяслоўнай і субстантыўнай лексікі разглядаецца пытанне аб праявах розніцы ва ўнутраных формах лексічных эквівалентаў дзвюх моў. Вызначаны канкрэтныя мадэлі розніцы ва ўнутраных формах, якія сустракаюцца ў межах прааналізаванага матэрыялу. Адрозненні ва ўнутраных формах звязваюцца з выбарам характарыстык, пакладзеных у аснову найменняў аднаго і таго ж аб'екта ў дзвюх мовах, семантычнай рознааб'ёмнасцю семантычных карэлятаў, выбарам розных тыпаў матывацыі падчас утварэння семантычных карэлятаў рускай і беларускай моў. Апісаны розныя тыпы ўнутраных форм. Названы выпадкі несупадзення ўнутраных форм семантычных карэлятаў пры ідэнтычнасці тыпаў іх унутраных форм. З улікам мадэлей праяў розніцы ва ўнутраных формах удакладняюцца магчымыя прычыны розніцы ва ўнутраных формах семантычных карэлятаў.

Ключавыя словы: унутраная форма слова; метафара; метанімія; сінекдаха; перыферыяная матываванасць; кандэнсаваная матываванасць; семантычны зрух.

Образец цитирования:

Ковалева АИ. Проявления и причины различия внутренних форм семантических коррелятов русского и белорусского языков. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2020;2:84–93.

For citation:

Kovaleva AI. Different inner forms of Russian and Belarusian semantic correlates: manifestations and reasons. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2020;2:84–93. Russian.

Автор:

Анна Игоревна Ковалева – аспирантка кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Ровдо.

Author:

Anna I. Kovaleva, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
kowalowa_anna@mail.ru

DIFFERENT INNER FORMS OF RUSSIAN AND BELARUSIAN SEMANTIC CORRELATES: MANIFESTATIONS AND REASONS

A. I. KOVALEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the problem of different inner forms of Russian and Belarusian semantic correlates. It based on the analysis of Russian and Belarusian verb and substantival lexis and demonstrates manifestations of inner form difference. Specific patterns of manifestations of different inner forms are determined and described. The difference is associated with the choice of different characteristics that are the basis for the names of the same object in different languages; different semantic volume of semantic correlates; the choice of different types of motivation of the Russian and Belarusian correlates. The cases of discrepancy between inner forms of semantic correlates when the types of inner forms of the Russian and Belarusian semantic equivalents coincide are indicated. Potential reasons for inner form difference of Russian and Belarusian semantic correlates are refined.

Keywords: inner form of a word; metaphor; metonymy; synecdoche; peripheral motivation; condensed motivation; semantic shift.

Внутренняя форма (ВФ) слова – сложный феномен, привлекающий внимание лингвистов и специалистов из других областей знания, поскольку наравне с безэквивалентной лексикой, специфическими способами метафоризации, различием коннотаций и ассоциаций семантических коррелятов разных языков считается одним из способов воплощения национальной языковой картины мира. Исследователей привлекают различные аспекты ВФ. В статье И. С. Ровдо [1, с. 10–11], посвященной проявлениям тождества и сходства в близкородственных языках, описано явление, которое можно именовать парадоксальным соотношением внешней и внутренней форм слова. Этот феномен заключается в том, что лексический состав современных русского и белорусского языков неодинаков, но в качестве ВФ некоторых белорусских слов выступают слова, отсутствующие в современном белорусском языке, которые, однако, есть в русском. Например, бел. *сцялежыць, сцялежыцца, сцялежваць, сцялежвацца* ‘сорвать с передка телегу’ формально соотносятся не с белорусским наименованием телеги – словом *калёсы*, а с его русским эквивалентом.

Рассматривая ВФ в сопоставительном аспекте, также часто отмечают, что «один и тот же объект может быть по-иному “увиден” представителями разных лингвокультурных сообществ» [2, с. 4], и это становится причиной различия ВФ наименований данного объекта в разных языках. Такое своеобразное видение выражается в том, что для создания лексической номинации необходимо вычленить характеристику объекта, благодаря которой он получит название. Каждый предмет или явление обладает потенциально неисчислимым количеством признаков, и лишь один из них используется для наименования, причем его выбор часто случаен. Поэтому совпадение признака номинации у наименований одних и тех же объектов действительности в различных языках возможно, но не обязательно, что обуславливает существование семантических коррелятов с различной ВФ даже в пределах одного и того же языка [3, с. 115].

В исследованиях, посвященных анализу ВФ в сопоставительном и описательном аспектах, разница во ВФ связывается с признаком, положенным в основу наименования, предлагаются классификации признаков, характеризующих лексику отдельных лексико-семантических групп [4–6]. Актуальность данной работы состоит в том, что в ней представлено развернутое описание конкретных проявлений различия ВФ. В качестве причин различия ВФ семантических коррелятов предлагается рассматривать не только выбор одного из многочисленных признаков именуемого объекта, но и действие разных когнитивных механизмов при образовании номинации, а также различную, обусловленную собственно лингвистическими причинами вербализацию сходного признака.

При поверхностном взгляде на проблему можно прийти к выводу, что различие ВФ семантических коррелятов является следствием исключительно выбора того или иного признака – основы новой номинации. В паре рус. *пластинка* – бел. *кружэлка* ‘диск со звуковой записью для проигрывания’ это действительно так: русский коррелят отмечает признак **форма** (ВФ – *пластинка*), а белорусский – признак **действие** (ВФ – *кружыцца*). Однако анализ большого объема фактического материала вскрывает и другие случаи. Например, и в русском, и в белорусском языках существует отдельное наименование для курицы, которая высиживает яйца или уже водит цыплят. Поскольку курица сидит на яйцах, по-русски она именуется *наседкой*. Белорусский эквивалент – *квактуха* – отмечает другую особенность в поведении кур: обычно они ведут себя спокойно и начинают кудахтать, отложив яйцо или подзывая

к себе цыплят. Разница во ВФ этих слов очевидна, хотя наименования основаны на одном и том же признаке – **действии**.

В ономасиологии, исследующей структуру мотивированного слова с точки зрения того, какие ономасиологические признаки приписываются тому или иному ономасиологическому базису, под базисом понимают «базовые категории человеческого опыта – действие, носитель признака и т. п.» [7, с. 41] (в конкретных работах базисы могут конкретизироваться), а об ономасиологическом признаке закрепилось четкое представление как о «понятии, которое так или иначе уточняет основное содержание обозначаемого, ограничивая его, или конкретизируя, или модифицируя основу наименования (то есть ономасиологический базис)» [8, с. 265]. Воспользуемся иллюстрацией из диссертационного исследования Л. В. Сосниной, где ономасиологическая модель сложного наименования цвета *нежно-розовый* описана следующим образом: ономасиологическому базису **колоратив** (цвет) приписываются ономасиологические признаки **колоратив** и **интенсив**, т. е. цвет обозначен через субъективную оценку его зрительного восприятия и указание на количественное проявление этой характеристики. Ономасиологическая модель строится по принципу «что называется через что», тот же принцип актуален и для выделения ВФ слова. Однако для ономасиологии оказывается важным вычленение регулярных ономасиологических моделей, она работает с довольно абстрактными ономасиологическими признаками (например, **фабрикатив** – ономасиологический признак, указывающий на материал, вещество, из которого сделан или состоит предмет; **локатив** – ономасиологический признак, указывающий на местонахождение в пространстве). Таким образом, и рус. *наседка*, и бел. *квактуха* оказываются абсолютно идентичными с точки зрения их ономасиологической структуры: ономасиологическому базису **животное** приписывается один и тот же ономасиологический признак **действие**.

При исследовании же ВФ, в особенности различных ВФ семантических коррелятов, акцент необходимо переместить с абстрактных моделей и признаков на конкретные особенности именуемых объектов, чтобы, несмотря на совпадения ономасиологического признака, случаи вроде рус. *наседка* – бел. *квактуха* были проанализированы в рамках изучения этого вопроса. Поэтому в данной работе анализ ВФ осуществляется без апелляции к понятию «признак». Вместо него используется понятие «характеристика», которое, обладая значением ‘характерное свойство, черта объекта’, снимает нежелательную омонимию с понятием «ономасиологический признак». Выбор одной и той же характеристики для наименования объекта в разных языках демонстрирует общий номинативный замысел: сходное направление мысли носителей этих языков при номинации данного объекта, а выбор характеристик – разный. Причем и в том и в другом случае ВФ семантических коррелятов могут различаться.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных проявлений различия ВФ семантических коррелятов, необходимо сделать несколько вводных замечаний.

Во-первых, поскольку в данной статье речь идет о наименованиях как предметов и живых существ, так и процессов, явлений, качеств и в большинстве случаев нет необходимости в их дифференциации, далее для их обобщающего наименования будет использовано слово «объект».

Во-вторых, лексические системы всех языков уникальны и наличие лексических лагун в одном языке на фоне другого – естественное явление. Основной массив материала, на базе которого был рассмотрен вопрос о проявлении различий ВФ, – русско-белорусские и белорусско-русские пары семантических коррелятов, оба компонента которых – цельнооформленные наименования (мотивированные слова). Однако случаи лексических лагун (пары, один из членов которых представляет собой цельнооформленное наименование, а другой – раздельнооформленное: бел. *кутнік* – рус. *коренной зуб*) также включены в материал исследования, так как раздельнооформленные наименования в таких ситуациях являются единственным адекватным переводным эквивалентом цельнооформленных наименований и игнорирование лексических лагун не позволило бы в полной мере описать все случаи проявления различной ВФ в сопоставляемых языках (подробнее см. о лексических лагунах в русском и белорусском языках в работах И. С. Ровдо [9; 10]).

В-третьих, вариативный характер языка предполагает, что в каждом конкретном языке может существовать несколько способов для лексической номинации одного и того же объекта. Например, в русском языке для обозначения куска хлеба, отрезанного от непочатого края, используются такие слова, как *горбушка* и *краюха*, а в белорусском – *акраец*. Очевидно, что ВФ рус. *краюха* и бел. *акраец* совпадают. Однако в белорусском языке нет названия такого куска хлеба, которое было бы связано со словом *горб*. Следовательно, подобные случаи также рассматриваются нами в качестве иллюстраций различия ВФ.

Источником материала для исследования послужили академические русско-белорусский и белорусско-русский словари¹, из которых методом сплошной выборки были извлечены пары семантических

¹Русско-белорусский словарь / под ред. А. А. Лукашанца; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т яз. и лит. им. Я. Коласа и Я. Купалы. 10-е изд., перераб. и доп. Минск: Беларус. энцыкл., 2012. Т. 1–3; Беларуско-рускі слоўнік: у 3 т. / пад рэд. А. А. Лукашанца; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. 4-е выд., перапрац. і дап. Мінск: Беларус. энцыкл., 2012. Т. 1–3.

коррелятов, демонстрирующие разницу во ВФ. Пары, один из компонентов которых представлен диалектным словом, находятся за пределами материала исследования. Значение слов указано по изданиям «Малый академический словарь русского языка» и «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы»².

В данной работе ВФ рассматривается исключительно в синхронном аспекте: как наименование А (*играть*), имеющее формальное выражение в структуре слова В (*игрушка*), при этом связь между объектами, именуемыми словом А и словом В, лежит в основе наименования В (*игрушка* – предмет, с которым *играют*) и осознается носителями языка на современном этапе его развития. Поэтому и семантические сдвиги, и переносы, и структурная деривация описываются нами на основании тех связей, которые существуют в современном русском и белорусском языках, без учета реальной динамики этих процессов в ходе развития языка. В связи с этим мы лишь условно говорим о создании номинации, имея в виду то, какие характеристики объекта воспринимаются современными носителями языков как источники его наименования.

Многообразие характеристик одного и того же объекта и свобода выбора любой из них в качестве основы для нового наименования порождают ситуации, когда носители разных языков выбирают неодинаковые характеристики предмета, что становится источником наиболее заметной разницы во ВФ семантических коррелятов. Например, в качестве семантических эквивалентов рус. *пастись* выступают бел. *пасвіцца* и *хадзіць* ‘быть, находиться на подножном корму’. Несходными по ВФ являются рус. *пастись* (ВФ – *пасты* ‘присматривать за скотом и птицей во время выгона на подножный корм’) и бел. *хадзіць* (ВФ – ‘перамяшчацца, ступаючы нагамі, робячы крокі’), поскольку русский коррелят запечатлел то, что домашний скот, питаясь под открытым небом, находится под присмотром, а белорусский отметил, что животные, когда пасутся, в отличие от питания в стойле, находятся в движении во время еды.

Разница во ВФ семантических коррелятов может возникнуть даже в том случае, когда название в русском и белорусском языках дано на основании одной и той же характеристики объекта. Во-первых, как отмечает Б. А. Серебренников, отсутствие единой ВФ в языках мира объясняется тем, что у разных индивидов – инициаторов создания новой номинативной единицы – ассоциации между именуемым и уже имеющим в языке название явлениями случайны, произвольны [11, с. 207]. Это обусловлено тем, что, помимо установления прямых ассоциаций, отражающих реальные, очевидные связи между объектами (бел. *вярышкі* – *верх*: сливки при их сбивании действительно остаются наверху), при наименовании объекта, а значит, и при некотором его познании действуют такие универсальные логические механизмы, как аналогия, дедукция и индукция. Во-вторых, создание всякой мотивированной номинации обязательно требует наличия в языке номинации, которая выступит для нее в качестве мотивирующей. В-третьих, детализация объектов путем их наименования может быть различной в отдельных языках, вследствие чего слова, выступающие как семантические корреляты, не всегда равны друг другу по объему значения. Таким образом, создание мотивированной номинации предполагает не только действие когнитивных процессов, но и опору на уже имеющийся в языке лексический материал, а также на актуальные словообразовательные модели. В связи с этим различие во ВФ семантических коррелятов определяется как различным видением объекта номинации, так и реальным составом элементов лексической системы и деривационными возможностями каждого конкретного языка в момент создания номинации. На материале русской и белорусской глагольной и субстантивной лексики рассмотрим подробнее, как при общем номинативном замысле, когда в качестве основы для наименования объекта в сопоставляемых языках была выбрана одна и та же характеристика, реализуется разница во ВФ семантических коррелятов.

Прежде всего отметим, что среди семантических коррелятов русского и белорусского языков встречаются семантически разнообъемные, у которых наблюдается неполное соответствие денотативного значения. Если эта разница отражается в их ВФ, которая накладывает некоторые ограничения на объем значения мотивированных единиц, то их ВФ различаются. Эту особенность можно наблюдать, например, в парах, члены которых вступают между собой в гиперо-гипонимические отношения. Например, наиболее адекватным переводом для рус. *сластена* представляется бел. *ласун*. Причем данные семантические корреляты демонстрируют значительное расхождение в семантике. Если *ласун* (ВФ – *ласавання* ‘есці што-н. смачнае, любімае’) – это ‘той, кто любит паласавацца’ без указания на конкретные предпочтения в еде, то *сластена* (ВФ – *сласть*) предпочитает именно сладкое. При этом в белорусском языке нет более точного соответствия рус. *сластена*, чем лексема *ласун*. В одной ситуации денотат этих слов совпадает, в другой – нет. Человека, который любит мед, допустимо по-белорусски назвать *ласуном*, а по-русски – *сластеной*. В то же время, если человек любит холодец, по-белорусски его можно

²Малый академический словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (дата обращения: 18.02.2020) ; Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. Крапівы ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. Т. 1–5.

назвать *ласуном*, а *сластеной* по-русски – недопустимо. Таким образом, разница ВФ указанных слов обусловлена тем, что данные **корреляты семантически разнообъемны и это запечатлено в их ВФ**.

В случае если русский и белорусский семантические корреляты имеют одинаковое денотативное значение, роль в формировании различия их ВФ играет и выбор механизмов мотивации деривата, в которых находят свое выражение механизмы познания окружающей действительности. Для анализа структурных дериватов воспользуемся классификацией типов мотивированности, предложенной И. А. Ширшовым [12], дополнив ее типами мотивации, выделенными О. П. Ермаковой и Е. А. Земской [13]. Поскольку мотивация и мотивированность соотносятся как процесс и результат, будем использовать оба термина и именовать дериват, полученный, например, в результате действия периферийной мотивации, периферийно мотивированным. Так как ВФ присуща как структурным, так и семантическим дериватам и в основе создания тех и других лежат единые механизмы познания окружающей действительности, а разница состоит лишь в использовании/неиспользовании аффиксов при создании новой номинации, предлагаем выделить общие для структурных и семантических дериватов типы ВФ. Для этого разделим ВФ на метонимические и метафорические [14, с. 16]. Метонимическая ВФ отображает фактическую характеристику, действительно свойственную именуемой реалии, поскольку метонимия представляет собой сдвиг фокуса внимания при концептуализации конкретной ситуации, который «основан на существовании в сознании прочных ассоциативных связей между событием, явлением и его участниками или иными характеристиками, т. е. связей по смежности» [15, с. 142]. Слова с метонимической ВФ объединяют семантические дериваты, основанные на метонимическом переносе (бел. *футра* ‘зімовая вопратка з вырабленых шкур пушнаго звера’ с ВФ *футра* ‘вырабленая шкура пушнаго звера’), и структурные дериваты с прямой мотивированностью, т. е. такие дериваты, у которых наблюдается «полное вхождение значения производящего в значение производного, причем в производном оно включает в себя весь объем значения их мотивирующих и формирует ядро лексического значения» [12, с. 47] (рус. *добряк* ‘очень добрый человек’). В метафоре же, в отличие от метонимии, «находит свое выражение основная когнитивная способность человека мыслить об одной сфере жизненного опыта или области знания в образах другой, осваивать новое, опираясь на уже хорошо известное, на аналогию» [15, с. 138]. Метафорическая ВФ присуща семантическим дериватам, основанным на метафоре (рус. *кубышка* ‘полный малорослый человек, чаще женщина’ с ВФ *кубышка* ‘глиняный сосуд с узким горлом и широкими выпуклыми боками’), и структурным дериватам с метафорической мотивированностью (рус. *дрема* ‘растение, преимущественно семейства гвоздичных, с поникшими цветками’ с ВФ *дремать*). Анализ реальных механизмов мотивации вынуждает нас разделить ВФ, основанную на синекдохе, от метонимической ВФ, поскольку, несмотря на то что синекдоха так же, как и метонимия, отражает реальные связи между объектами, эти связи особого характера, базирующиеся на родо-видовых, количественных отношениях между объектами. ВФ, основанной на синекдохе, обладают структурные дериваты с периферийной и конденсированной мотивированностью, а также семантические дериваты, полученные в результате семантического сдвига.

Одним из факторов различия ВФ семантических коррелятов при условии совпадения характеристики, выбранной в качестве основы наименования, является **несовпадение типа их ВФ**. Различие ВФ наблюдается у членов пар, которые можно отнести к нескольким моделям.

1. Метонимическая ВФ – метафорическая ВФ. Поскольку метафора основана на аналогии, дериваты с метафорической ВФ являются той зоной лексической системы, где разница между ВФ семантических коррелятов наиболее вероятна в силу того, что объекты, находящиеся в связи с именуемой реалией, на основе названий которых создается новое наименование с метонимической ВФ, обозримы. Выбор объектов, которые могут быть сопоставлены с именуемой реалией по сходству, непредсказуем. Особенно это заметно, если основой для метафорического переноса становится периферийная сема. В белорусском языке есть слово *прасмаліць* ‘хутка прайсці, праехаць, прамчацца’. В русском языке ему соответствует глагол *промчаться* ‘мчась, проехать, пробежать’. ВФ белорусского эквивалента является глагол *прасмаліць* ‘прапаліць чым-н. наскрозь’, а ВФ русского – глагол *мчаться* ‘передвигаться с большой скоростью’. Значение данного глагола предполагает наличие некоторой статичной точки, относительно которой происходит данное стремительное движение. Например, промчаться можно сквозь, через что-либо или мимо кого-, чего-либо. Хотя данная глагольная валентность в конкретных предложениях реализуется не всегда, предполагается, что при отсутствии указания на объект, относительно которого происходит движение, наблюдающий данное действие является той статичной точкой, относительно которой происходит движение. Если ВФ русского коррелята подчеркивает стремительность данного действия, то ВФ белорусского семантического деривата, основанного на метафоре, как раз отмечает сему, связанную с преодолением, движением сквозь что-либо или относительно некоторой статичной точки.

2. Метонимическая ВФ – ВФ, основанная на синекдохе. Так как синекдоха предполагает развитие значения как от частного к общему, так и наоборот, выделим два подтипа в данной модели: метонимическая ВФ – ВФ, основанная на генерализации; метонимическая ВФ – ВФ, основанная на специализации.

Основанная на генерализации ВФ свойственна семантическим дериватам, базирующимся на генерализации, и структурным дериватам с периферийной мотивированностью. Генерализация представляет собой такой семантический сдвиг, который характеризуется увеличением объема сигнификата. Например, бел. *шараваць* на основе значения ‘чысцячы, церці’ развило значение ‘церці паверхняй аднаго прадмета аб паверхню другога’. Периферийная мотивированность проявляется в том, что значение мотивирующего слова составляет лишь периферию семантического объема мотивированного. Например, рус. *горшечник* обозначает мастера, который делает глиняную посуду, а не человека, связанного с производством только горшков. Поэтому в ряде случаев разница во ВФ семантических коррелятов, один из которых – дериват с метонимической ВФ, а другой – с основанной на генерализации ВФ, очевидна, однако обусловлена не столько разницей в «видении мира», сколько выбором в одном языке в качестве мотивирующего слова наименования того предмета (явления), которое представляет собой частный, факультативный случай проявления характеристики именуемого объекта, притом что в другом языке мотивирующим словом избрано то, семантика которого составляет ядро семантики мотивированного. Например, члены пары рус. *толстосум* – бел. *багач* абсолютно эквивалентны семантически, однако русский коррелят на современном этапе развития языка может быть расценен как дериват с периферийной мотивированностью, поскольку толстые сумки не являются обязательным атрибутом богачей.

При специализации ВФ происходит «сокращение объема сигнификата слова: слово, обозначающее целую категорию, в результате сдвига значения начинает номинировать подкатеорию. Исходное и производное значения находятся в родо-видовых отношениях» [16, с. 102]. Белорусское слово *тупаць* на базе значения ‘стукаць, біць нагой аб зямлю, падлогу’ сформировало значение ‘біць капытамі аб зямлю’. Те же отношения складываются между дериватами с конденсированной мотивированностью и их мотивирующими. Конденсированную мотивацию среди прочих ее типов выделяют О. П. Ермакова и Е. А. Земская. От прямой мотивации конденсированная отличается тем, что мотивирующим для деривата выступает прямое значение базового слова, но в составе деривата оно включает в себя дополнительный – чаще всего ограничительный или характеризующий – компонент (*ославити* ‘распространить дурную славу’; *беспринципный* ‘без **высоких** моральных принципов’) [13, с. 106]. Как видно из примеров, особенностью дериватов, основанных на конденсированной мотивации, является то, что их ВФ (*слава* и *принцип*) не содержит указания на этот ограничительный или характеризующий компонент и потенциально позволяет слову иметь значение более широкое, чем то, которое за ним закреплено в действительности (**ославити* ‘распространить славу (любую)’; **беспринципный* ‘без принципов (любых)’). ВФ дериватов, связанных с их мотивирующими отношениями прямой мотивации, наоборот, указывает на ограничительный, характеризующий компонент в значении слова (*рыбак* ‘тот, кто занимается ловлей рыбы (и только рыбы, а не животных вообще) как промыслом’). Таким образом, причиной различия ВФ семантических коррелятов в сопоставляемых языках при условии, что они оба вербализуют одну и ту же характеристику именуемого объекта, может быть то, что структурной основой деривата в одном из языков стало слово, обозначающее ограничительный, характеризующий компонент значения (отношения конденсированной мотивации), а в другом – слово, значение которого не выступает в качестве ограничительного или характеризующего компонента значения деривата (отношения прямой мотивации). Сопоставим члены пары рус. *свекловица* – бел. *цукровыя буракі* ‘сорт свеклы, из корней которой получают сахар’. Русский коррелят находится с собственным мотивирующим в отношениях конденсированной мотивации, поскольку в структуре слова *свекловица* нет формального указания на то, какой именно из возможных сортов свеклы (столовой, кормовой, сахарной, листовой) оно называет. Белорусский раздельнооформленный коррелят *цукровыя буракі*, аналогичный русскому *сахарная свекла*, напротив, однозначно указывает на сорт. Следовательно, разница ВФ у членов пары рус. *свекловица* – бел. *цукровыя буракі* обусловлена не фиксацией различных характеристик обозначаемого объекта, а исключительно тем, что в русском языке возможно назвать вид свеклы, предназначенной для добычи сахара, через родовое наименование (*свекла*), а в белорусском языке указание на видовой признак обязательно.

Различие во ВФ может наблюдаться даже у членов пар семантических коррелятов, которые обладают **идентичным типом ВФ**.

1. Метафорическая ВФ – метафорическая ВФ. При создании деривата, основанного на метафоре или синекдохе, число объектов, которые могут быть восприняты как объекты, похожие на именуемый,

или объекты, связь именуемого объекта с которыми устанавливается по модели *род – вид* или *вид – род*, велико. Поэтому выбор одного и того же объекта, название которого станет материальной основой для нового наименования, маловероятен. Это порождает разницу ВФ даже среди тех семантических коррелятов русского и белорусского языков, которые, во-первых, обладают общностью номинативного замысла, отмечают общую характеристику именуемого объекта, во-вторых, обладают идентичным денотативным значением, в-третьих, абсолютно идентичны по типу мотивации. Например, складка брюшины, охватывающая и поддерживающая внутренности в полости тела, по-русски называется *брыжейка*, а по-белорусски – *чапец*. Оба слова обладают метафорической ВФ (рус. *брыжи* ‘воротник или выпуск на груди в виде оборок’, бел. *чапец* ‘лёгкі галаўны ўбор у выглядзе шапачкі, які раней насілі замужнія жанчыны’), которая намекает на внешний вид брюшины, причем в белорусском языке метафорический перенос осуществлен на базе наименования предмета, который часто, однако не всегда имеет оборки.

2. ВФ, основанная на синекдохе – ВФ, основанная на синекдохе. Проиллюстрировать данную модель можно следующим образом. Оба члена пары рус. *хворостина* ‘длинный прут, ветка’ (ВФ – *хворост*) – бел. *дубец* ‘тонкі гібкі прут; розга’ (ВФ – *дуб*) указывают на то, что называемый предмет деревянный. Разница во ВФ коррелятов создается исключительно за счет их периферийной мотивированности, поскольку хворостина может быть из ветки любого дерева, не только дуба. Кроме того, хворостина бывает высушенной и свежей, отломанной и отпавшей самостоятельно, в отличие от хвороста, который представляет собой сухие отпавшие ветви.

3. Метонимическая ВФ – метонимическая ВФ. У семантических коррелятов данной модели даже при условии, что они обладают общностью номинативного замысла и идентичным денотативным значением, ВФ может отличаться. Разница во ВФ семантических коррелятов может стать результатом различной вербализации сходного видения мира, что возможно благодаря вариативному характеру языка, поскольку в языке, а тем более в речи существует, как правило, несколько слов, объединенных одной интегральной семой и использующихся для наименования одного и того же денотата. В этом случае семантические корреляты обоих языков отмечают одну и ту же характеристику именуемого объекта, однако их ВФ не являются буквальным переводом друг друга. К конкретным проявлениям различной вербализации одной и той же характеристики семантическими коррелятами белорусского и русского языков можно отнести мотивацию синонимами и мотивацию антонимами.

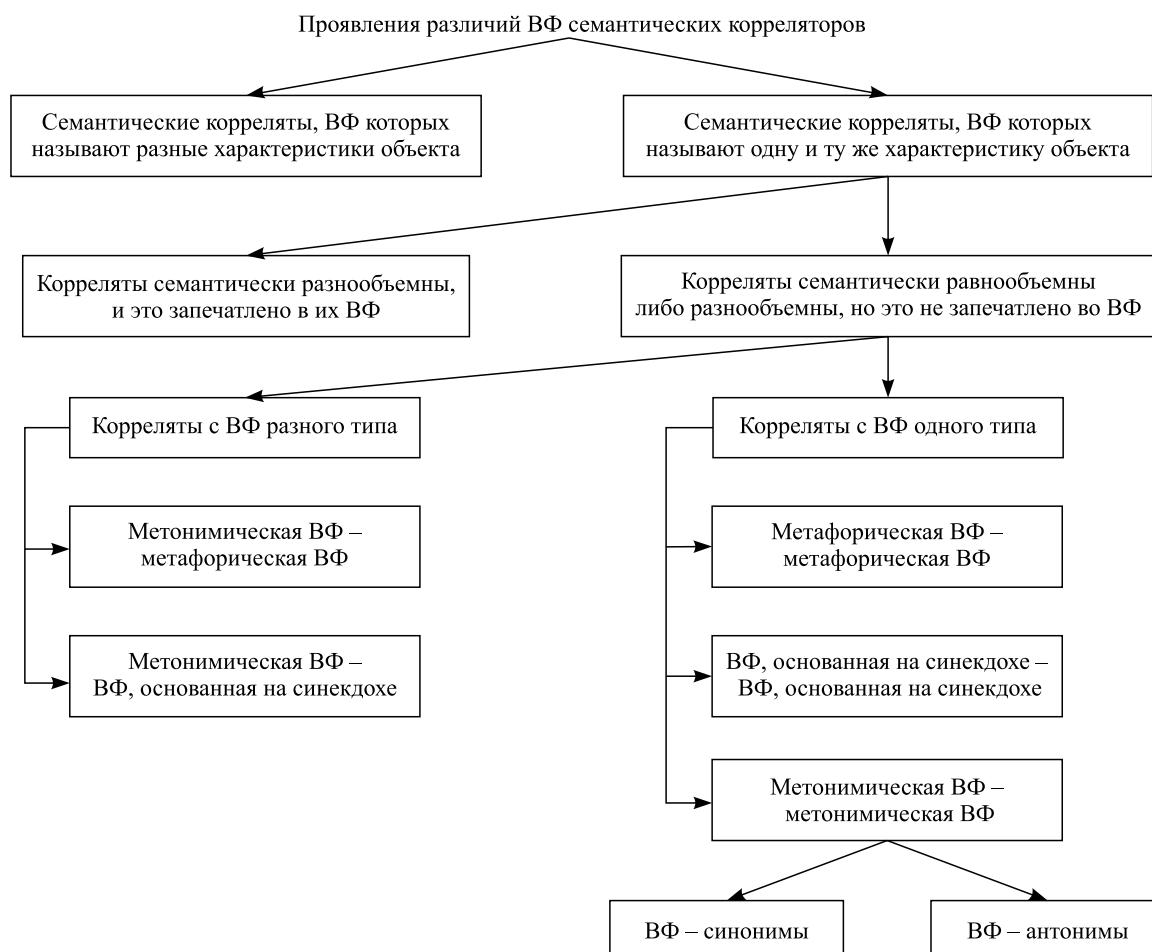
Мотивация синонимами. Вариативный характер языка и речи позволяет именовать одни и те же реалии по-разному, что выражается в узуальной и контекстуальной синонимии. Лексические системы русского и белорусского языков обладают значительным числом синонимов, фиксируемых словарями (узуальных синонимов). В конкретной ситуации происходит сближение значений слов, которые вне данного контекста синонимами не являются (контекстуальные синонимы). Такое многообразие планов выражения сходного содержания позволяет носителю каждого из названных языков именовать явление, т. е. создавать семантический или структурный дериват, с опорой на любой существующий синоним. В подобных случаях ВФ белорусского коррелята не является буквальным переводом ВФ русского коррелята и наоборот, а обе ВФ находятся между собой в синонимических отношениях. О таком типе различия ВФ на материале славянских языков упоминают О. П. Ермакова и Е. А. Земская [17, с. 524]. Рассмотрим указанный тип различия ВФ на базе русского и белорусского семантических коррелятов, ВФ которых являются контекстуальными синонимами. В белорусском языке для обозначения теленка, которому уже исполнился год, используется существительное *пярэзімак* (ВФ – *перазімаваць* ‘пражыць, перабыць зіму’). В русском языке есть глагол *перезимовать* с аналогичным значением, однако на его базе не сформировалось слово, именующее годовалое домашнее животное. В качестве семантического коррелята бел. *пярэзімак* в русском языке выступает раздельнооформленное наименование *годовалый теленок*. Без учета особенностей жизни телят может показаться, что белорусская и русская номинации указывают на различные, не связанные между собой характеристики телят. Однако, поскольку телята рождаются в конце февраля – начале марта, год им исполняется в конце следующей зимы, т. е. ровно тогда, когда они перезимуют. Следовательно, члены пар бел. *перазімаваць* – *быць ва ўзросце аднаго года* и рус. *перезимовать* – *быть в возрасте одного года* не являются синонимами: белорусский глагол *перазімаваць* не переводится на русский язык как ‘быть в возрасте одного года’. Однако, если речь идет о телятах, семантически некоррелятивные *перазімаваць* и *быть в возрасте одного года* оказываются семантически тождественными. Следовательно, в примере бел. *пярэзімак* – рус. *годовалый теленок* разница во ВФ русского и белорусского коррелятов обусловлена выбором не разных характеристик именуемого объекта, а разных явлений, через название которых можно передать одну и ту же характеристику.

Мотивация антонимами. Фиксация одной и той же характеристики именуемого объекта при помощи разных ее названий характерна и для тех пар семантических коррелятов, ВФ которых состоят

между собой в антонимических отношениях. Поскольку в структуре одного из компонентов такой пары просматривается отрицание, указание на неполноту либо отсутствие некоторой характеристики (при помощи префиксов *не-*, *без-*, *недо-*), и русский, и белорусский корреляты, базируясь на словах с антонимичным значением, называют одно и то же явление. Например, в качестве перевода русского слова *недоумок* (ВФ – *ум*) в словаре выступает белорусское слово *прыдурак* (ВФ – *дурны* ‘разумова абмежаваны, тупы; неразумны’). Точным переводом рус. *ум* является бел. *розум*, однако в белорусском языке на его основе не образовалось слово со значением ‘придурковатый человек’. Напротив, в белорусском языке слово с таким значением образовалось на базе слова *дурны*, которое, если не брать в расчет его частеречную принадлежность, можно рассматривать в качестве антонима к слову *розум* – точному переводу рус. *ум*. Как русский, так и белорусский семантический коррелят указывают на умственную ограниченность именуемого человека, только белорусский делает это через прилагательное с таким же значением, а русский – через указание на недостаток ума у такого человека. Следовательно, внутренние формы, значения которых антонимичны, при условии что одна из них отрицается, принадлежат семантически эквивалентным словам.

Таким образом, всякий дериват имеет ВФ определенного типа – метафорическую, метонимическую, основанную на синекдохе. Однако, если между семантическими коррелятами наблюдается разница во ВФ и при этом корреляты подчеркивают разные характеристики объекта, типом ВФ каждого из них можно пренебречь, поскольку очевидной оказывается разница ВФ именно в силу выбора различной характеристики как основы наименования. То же справедливо и для коррелятов с различным семантическим объемом, ВФ которых запечатлела это на формальном уровне. В случае если ВФ семантических коррелятов различаются, но при этом они основаны на одной и той же характеристике и их корреляты семантически равнообъемны, разница ВФ проявляется как у семантических коррелятов с разным типом ВФ, так и у коррелятов с одинаковым типом ВФ и связана с сохранением во ВФ результатов действия различных познавательных механизмов и выбором одной из схожих по семантике номинативных единиц в качестве материальной основы нового наименования.

Данную информацию удобно представить в виде схемы.

Описанные нами проявления различия ВФ не являются причинами различия ВФ семантических коррелятов, а представляют собой лишь возможные реализации этого различия. Однако учет проявления различия ВФ позволяет увидеть истинные причины разницы во ВФ семантических коррелятов в разных языках. Главная причина состоит в континуальности мира и фактической невозможности языка передать ее на уровне лексической единицы: ВФ слова и даже словосочетания не может вобрать в себя все те связи, которые существуют у объекта с другими объектами реальности. Дискретность мышления, действие различных механизмов познания и вариативность языка решают эту проблему, в результате чего семантические корреляты могут демонстрировать различия во ВФ. Во-первых, созданию номинации предшествует выделение денотата из окружающей действительности. Существование разнообъемных семантических коррелятов свидетельствует о том, что денотаты, выделенные носителями одного языка, не всегда выделяются носителями другого языка (по крайней мере, не получают в нем отдельного наименования). Поэтому некоторые семантические корреляты даже на уровне денотативного значения оказываются лишь относительно коррелятивны. Во-вторых, при создании мотивированного слова человек именуемый вынужден выбирать некоторую характеристику объекта, чтобы его именовать. В-третьих, становится это осмысленным или подсознательным действием, человек выбирает объект, который так или иначе связан с именуемым, на основании той характеристики, которая будет положена в основу наименования. В-четвертых, необходимо выбрать одно из уже существующих названий того объекта, с которым человек наблюдает связь именуемого объекта. Безусловно, в акте номинации эти процессы неразделимы, однако анализ результатов их действия, т. е. сопоставление ВФ семантических коррелятов, приводит к выводу, что данные процессы действуют и определяют все многообразие ВФ в сопоставляемых языках.

Библиографические ссылки

1. Ровдо ИС. О тождестве и сходстве в близкородственных языках. В: *Русский язык: система и функционирование. Материалы VIII Международной научной конференции; 16–17 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 8–14.
2. Богданова ЛИ. Внутренняя форма слова в аспекте универсального и специфического. В: *Универсальное и национальное в языковой картине мира. Материалы Международной научной конференции; 2–3 октября 2015 г.; Минск, Беларусь*. Минск: МГЛУ; 2016. с. 4–7.
3. Плотников БА. *О форме и содержании в языке*. Минск: Высшая школа; 1989. 252 с.
4. Зайнетдинова ИР. *Анализ внутренней формы наименований лица в английском и французском языках* [диссертация]. Уфа: БашГУ; 2004. 163 с.
5. Сагитова АФ. *Внутренняя форма слова как результат когнитивно-оценочной деятельности человека* [диссертация]. Уфа: БашГУ; 2008. 244 с.
6. Блинова ОИ. *Явление мотивации слов: лексикологический аспект*. Москва: Книжный дом «Либроком»; 2017. 208 с.
7. Соснина ЛВ. *Адъективные композиты русского языка: структурный и ономазиологический аспекты* [диссертация]. Донецк: Донецкий национальный технический университет; 2017. 272 с.
8. Кубрякова НС. Теория номинации и словообразование. В: Серебренников БА, Уфимцева АА, редакторы. *Языковая номинация. Виды наименований*. Москва: Наука; 1977. с. 222–304.
9. Ровдо ИС. Лексические лакуны и средства их заполнения. *Русский язык*. 1991;11:3–8.
10. Роўда ІС. *Рознаўзроўневая намінацыйная адпаведнасць беларускай і рускай моў (у сувязі з праблемай лексічных лакунаў)*. Мінск: БДУ, 1999. 170 с.
11. Серебренников БА. Роль человеческого фактора в языке. *Язык и мышление*. Москва: Наука; 1988. 242 с.
12. Шишов ИА. Типы словообразовательной мотивированности. *Филологические науки*. 1995;1:41–54.
13. Ермакова ОП, Земская ЕА. К уточнению отношений словообразовательной производности. *Russian linguistics*. 1991; 15:105–116. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02528352>.
14. Селігей П. Внутрішня форма слова: на шляху до створення єдиної теорії. В: Франчук В, редактор. *Наукова спадщина О. О. Потебні в контексті сучасності*. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго; 2005. с. 15–22.
15. Козлова ЛА. Метафора и метонимия: сходства и различия. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011;4(029):137–144.
16. Лапшина МН. *Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка)* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 1996. 331 с.
17. Ермакова ОП, Земская ЕА. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова. *Известия академии наук СССР. Серия языка и литературы*. 1985;44-6:518–525.

References

1. Rovdo IS. [About identity and similarity in closely related languages]. In: *Russkii yazyk: sistema i funktsionirovanie. Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchoy konferentsii; 16–17 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Russian: system and functioning. Proceedings of the VIII International scientific conference; 2019 October 16–17; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 8–14. Russian.
2. Bogdanova LI. [Inner form of a word in terms of universal and specific]. In: *Universal'noe i natsional'noe v yazykovoi kartine mira. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii; 2–3 oktyabrya 2015 g.; Minsk, Belarus'* [Universal and national in the language picture of the world. Proceedings of the International scientific conference; 2015 October 2–3; Minsk, Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2016. p. 4–7. Russian.

3. Plotnikov BA. *O forme i sodержanii v yazyke* [About the form and meaning in the language]. Minsk: Vysshaya shkola; 1989. 252 p. Russian.
4. Zainetdinova IR. *Analiz vnutrennei formy naimenovaniy litsa v angliiskom i frantsuzskom yazykakh* [Analysis of the inner form of person names in English and French] [dissertation]. Ufa: Bashkir State University; 2004. 163 p. Russian.
5. Sagitova AF. *Vnutrennyaya forma slova kak rezul'tat kognitivno-otsenочноi deyatel'nosti cheloveka* [The inner form of a word as a result of a person's cognitive assessment activity] [dissertation]. Ufa: Bashkir State University; 2008. 244 p. Russian.
6. Blinova OI. *Yavlenie motivatsii slov: leksikologicheskii aspekt* [The phenomenon of motivation of words: lexicological aspect]. Moscow: Book house «Librokom»; 2017. 208 p. Russian.
7. Sosnina LV. *Ad'ektivnyye kompozity russkogo yazyka: strukturnyy i onomasiologicheskii aspekty* [Adjectival composites of the Russian language: structural and onomasiological aspects] [dissertation]. Donetsk: Donetsk National Technical University; 2017. 272 p. Russian.
8. Kubryakova NS. [The theory of nomination and word-formation]. In: Serebrennikov BA, Ufimtseva AA, editors. *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy* [Language category. Types of names]. Moscow: Nauka; 1977. p. 222–304. Russian.
9. Rovdo IS. [Lexical gaps and means of filling them]. *Russkii yazyk*. 1991;11:3–8. Russian.
10. Rouda IS. *Roznawzrownevaja naminatywnaja adpavednasc' belaruskaj i ruskaj mow (u suv'язi z problemaj leksichnyh lakun)* [Multi-level nominative correspondence of the Belarusian and Russian languages (in relation to the problem of lexical gaps)]. Minsk: Belarusian State University; 1999. 170 c. Belarusian.
11. Serebrennikov BA. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie* [The role of human factor in the language. The language and thinking]. Moscow: Nauka; 1988. 242 p. Russian.
12. Shirshov IA. [Word-formation motivation types]. *Filologicheskie nauki*. 1995;1:41–54. Russian.
13. Ermakova OP, Zemskaya EA. [About the relations of word-formation derivation]. *Russian linguistics*. 1991;15:105–116. Russian. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02528352>.
14. Seligei P. [The inner form of a word: on the way to creating a unified theory]. In: Franchuk V, editor. *Naukova spadshhina O. O. Potebni v konteksti suchasnosti* [Scientific heritage O. O. Potebny in the context of modernity]. Kyiv: Vydavnychyj dim Dmytra Burago; 2005. p. 15–22. Ukrainian.
15. Kozlova LA. Metaphor and metonymy: similarity and difference. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2011;4(029):137–144. Russian.
16. Lapshina MN. *Semanticheskaya derivatsiya v kognitivnom aspekte* [Semantical derivation in the cognitive aspect] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 1996. 331 p. Russian.
17. Ermakova OP, Zemskaya EA. [Comparative research of word-formation and inner form of a word]. *Izvestia nauk SSSR. Seriya yazyka i literatury*. 1985;44-6:518–525. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.06.2020.
Received by editorial board 01.06.2020.